

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

В ожидании Светланова

С ГОДАМИ он все более суживает сферу своей деятельности. Уже давно не выступает как пианист, не пишет музыку, хотя еще несколько лет назад именно композиторство называл своей первой и главной профессией. Пишет ли статьи, стихи, рисует ли, как прежде? Думаю, и это оставил. Когда-то любил веселые компании — теперь живет замкнуто. Вся его жизнь сфокусировалась в партитурных листах, над которыми он сидит во всякий свободный от репетиций и концертов день, даже если это партитуры сочинений, которые он исполнял десятки раз. Ищет новые их образы, докапывается до первоначально скрытых от глаз глубин.

Выйдя к оркестру, он совершенно преобразится — и из кабинетного затворника превратится в лидера, волевого, категоричного, почти деспота, власть которого признают все без исключения оркестранты — вне зависимости от степени личной симпатии к нему. Потому что нет среди них ни одного, кто бы не считал Светланова безусловным для себя авторитетом в области не просто дирижерской профессии, но в области музыкального искусства вообще. Как нет, наверное, ни одного, который не чувствовал бы под влиянием его мощного энергетического поля то, что один из оркестрантов выразил следующим образом: «У меня такое ощущение, что он дышит со мною вместе, живет для меня, и я не могу играть, как обычно, я должен играть лучше, больше того, я хочу играть так, как он хочет». С первой частью этого высказывания, думаю, солидаризируется и многотысячная армия поклонников Светланова, видящая в нем художника предельно демократичного, в котором нет ничего от снобизма музыкального полиглота и высокомерия любимца славы.

Счастлив ли человек, который имеет свой оркестр, сделавшийся в его руках первоклассным, свою публику, неизменно переполняющую залы на его выступлениях, обширные планы (хотя сделал в искусстве столько, что мог бы с душевным спокойствием человека, исполнившего свой долг, почивать на лаврах)? Вопрос, похоже, риторический...

Но отчего в последние годы он стал увеличивать время своего пребывания за рубежом? Что же здесь странного, скажете вы, работа наших музыкантов «там» стала обычной практикой. Вот и Светланов работает со Стокгольмским оркестром радио, Лондонской «Филармонией», оркестром японской корпорации NHK, с прошлого сезона к ним прибавился гаагский Резиденс-оркестр, в котором десять не-

дель ежегодно (в течение ряда лет) Светланов будет исполнять обязанности главного дирижера. Что же здесь странного... Верно, если бы речь шла не о Светланове, который еще три года назад был непоколебим — в эти трудные времена музыкант должен быть здесь, вместе со всеми. Еще три года назад он ревновал свой оркестр к другим, так называемым приглашенным, дирижерам. Теперь, покидая его на месяцы, сам отдает в чужие руки. Что если это первые признаки «подкрадывающегося» упадка духа, порожденного сомнениями в счастливом финале той драмы, которую переживает на его глазах отечественное музыкальное искусство? Да одно ли только искусство?

КОГДА Светланов возвращается домой, то обыкновенно бывает в чудесном расположении духа, которое сохраняется ровно до той минуты, пока, пересев из самолета в машину, не спросит директора своего оркестра, по традиции встречающего его: «Ну, Георгий Евгеньевич, как наши дела?» — «На этой неделе репетируем в консерваторском спортзале», — ответит тот. Это значит, что четыре репетиционных часа в день в Большом зале Московской консерватории, принадлежащие Госоркестру, экспроприированы хозяевами БЗК для каких-то других целей. Светлановцы, впрочем, готовы мириться не только с нарушением условий арендного договора (в том числе передвижкой и сокращением репетиционных часов), но и давать концерты в пользу консерватории, дарить ей свои фонограммы, наконец, платить немалую аренду — только бы не лишиться «святой святых» всякого оркестра — репетиционной базы.

Потом, должно быть, Светланов поинтересуется, решил ли вопрос с зарплатой, имея в виду объявленное в июле повышение ставок работникам бюджетных организаций, и услышит, что еще со времени предыдущего повышения не получено ни копейки. Слава Богу, как всегда, выручил спонсор — Народный коммерческий банк. «А как с гастрольями?» — спросит уже без всякого энтузиазма Светланов. «Без проблем и здесь не обойдется — в три раза повысились тарифы на авиабилеты. Полная неразбериха с новыми загранпаспортами...» К своему дому на Станиславской Светланов подбьет уже мрачнее тучи.

Но неужели же, воскликнете вы, пробежав глазами этот среднестатистический, то есть типичный диалог дирижера и директора, авторитетнейший музыкант, народный артист,

*Отгремели
экстатические
овации публики,
разлетелись
по миру
восторженные
оценки критиков
масс-медиа.
И все-таки
французский
вояж
этого лета
закончился для
Государственного
симфонического
оркестра России
под управлением
Светланова
печально. Они
разъезжались —
дирижер
в Швецию,
музыканты
в Грецию.
«Мы теперь
редко будем
видеться», —
сказал
на прощание
Светланов. Им?
Или — нам всем?*

лауреат всевозможных в стране премий не знает, что делать, чтобы облегчить участь своего оркестра? Подозреваю, что знает. Но делать не хочет.

ЭТИМ летом его попросили подписать письмо, составленное группой наших именитых музыкантов в поддержку неизвестного проекта Тристана Дейла (по которому, напомним, фондовые записи Гостелерадио на семь лет поступают в распоряжение американской фирмы Дейла). Он отказался. Не только потому, что как человек, бесконечно далекий от экономических аспектов искусства, не взялся бы разбираться во всех деталях и предугадать все последствия этого действительно неоднозначного проекта, но и потому (а может быть, прежде всего потому), что в преамбуле письма, адресованного Ельцину, была фраза примерно следую-

щего содержания: только теперь российские деятели искусства обрели возможность свободно творить и распоряжаться результатами своего труда. «Мне никто не ставил рогатки в доперестроечные времена, я был абсолютно свободен в своем творчестве», — говаривал он не однажды. Думаю, сказал и на этот раз, возвращая неподписанный текст коллегам.

С тем временем у Светланова связаны самые крупные творческие достижения, и он остался верен ему, хотя, может быть, и не сумел бы аргументированно защитить общество, в идеале которого искренне верил, в котором видел систему с раз навсегда заведенным порядком, к каковому тяготеет по типу своей личности. Да, это, вероятно, дурно — не желать принимать новые идеи, храня привязанность к тому, расплывчатому, развенчанному — и по заслу-

гам — миру. Стремительное «перекрашивание» сегодня куда предпочтительнее. Но не для него. Поэтому, может быть, с болью наблюдая, какие испытания переносит его любимое и прекрасное детище, Госоркестр, он не звонит на чужой ему ныне «верх» и не просит: «Помогите».

НО ЕСТЬ в Москве место, где склоняется даже его голова, — Большой театр. Для кого-то это храм. Для Светланова — дом, все закоулки которого он знает и любит с детства, но в котором пережил, пожалуй, самые черные минуты своей жизни. Когда, например, проработав на посту главного дирижера два года, уходил из театра — «по собственному желанию». Сказать ли, что стояло за этим желанием?

В 1964 году оперная труппа ГАБТа впервые отправилась на зарубежные гастроли — в Ми-

лан. Был триумф, вдвойне памятный Светланову тем, что он оказался первым русским дирижером, вставшим за пульт «Ла Скала». А по возвращении в Москву группа солистов начала кампанию по смещению Светланова с поста главного. Почему? О, вы не знаете, какую бурю может породить обычная дирижерская работа по формированию исполнительских составов (каковых в каждом спектакле бывает два-три). И если одна примадонна поет первый спектакль, в особенности премьерный или на зарубежных гастролях, то другая почитает себя смертельно обиженной. После Милана таких обиженных оказалось достаточно, чтобы отравить существование главному дирижеру.

По счастью, в том же году он «получил» Госоркестр и с головой бросился в симфоническую работу, стараясь не глядеть в сторону победительной квадриги Аполлона, проносящейся мимо... Сомневается ли кто-либо, что в ипостаси симфонического дирижера Светланов жил жизнью яркой, насыщенной и, подозреваю, куда более счастливой, чем прежде? Но без оперы, без Большого эта жизнь не могла быть полной (и наоборот — не удовлетворяясь прежней, только оперной деятельностью, Светланов возродил старую традицию ежегодных сольных выступлений оркестра ГАБТа). Поэтому, когда его пригласили в Большой дирижировать в концерте в честь 200-летия театра — мог ли он отказаться? Потом поставил «Отелло», «Сказание о невидимом граде Китеже» (впервые без купюр), потом, в 87-м, получил исходящее с самых верхов предложение вновь занять пост главного дирижера. Он долго не мог решиться, а когда решился, по радио услышал, что на этот пост назначен другой дирижер. Все свершилось за его спиной, когда еще не истек срок, данный ему на размышление.

В 1989 году Светланов еще поставит «Золотого петушка». Дальше — тишина, которую он время от времени «взрывает» очередным раундом переговоров с руководством ГАБТа о постановке оперы, имеющей для него особое, символическое значение, — «Псковитянки». Ему не дают ни этой, ни какой другой. Должно быть, я очень наивна, но мне кажется, что Светланов сегодня сродни Джоконде (из байки про Равенскую), которая столь совершенна и знаменита, что может уже и сама выбирать, кому нравиться, а кому нет. Разве «звезда» такой величины, как Светланов, не заслужил права выбирать, над чем ему работать, где и с кем?

Он сделал свой выбор, но

суть его, мне кажется, много глубже, чем просто указание на конкретную оперу и конкретную сценическую площадку. Светланов хочет расстаться с Большим и, может быть, с театром вообще (ведь отказался же он от недавних предложений «Ла Скала», аргентинского театра «Колон», французской «Опера Бастиль»). По его мнению, в давнем мировом споре о том, кто в оперном театре «главнее» — дирижер или режиссер, побеждает последний, и этот последний все более ущемляет права дирижера, а значит, музыки, с чем Светланов не согласится никогда. Он хочет поставить точку в своей карьере оперного дирижера — но только в Большом. Потому что здесь, и именно «Псковитянку», начинал ее.

Получит ли он разрешение на свою «точку»? Или Большой нанесет еще одну обиду мастеру? Вопрос открыт. Мне хотелось бы сказать, что я знаю ответ — Светланов ведь всегда, рано или поздно, добивался своего. Примеры? Вот они. Только появившись в Большом, он публично назвал оперы, которые хотел бы поставить здесь — и поставил (последнюю из этого списка — в 89-м). Двадцать с лишним лет назад начал прокладывать свой магистральный путь под названием «Антология русской музыки в грамзаписи» — и не свернул с него. Студентом «влюбился» в творчество Мясковского — и спустя сорок лет излил эту любовь в двенадцати компакт-дисках, рискуя остаться непонятым (не многие сегодня видят в этой фигуре того гиганта отечественного симфонизма, которого видит Светланов). Даже его несбывшаяся мечта о постановке в Театре оперетты калмановской «Марицы» со временем трансформировалась в реальную и блистательную программу Госоркестра из сочинений Имре Кальмана. Казалось, он может все. Но жернова кустарного музыкального рынка и холод государственного равнодушия к искусству вкупе с кардинальной сменой социальных и политических ориентиров заставили пошатнуться даже такого колосса, как Светланов. И все вопросы теперь могут быть только открытыми...

Когда выйдут в свет эти не слишком радужные (как, впрочем, сам мир, в котором стоит и дом моего героя) заметки, Светланов только-только переступит порог своего 65-летия. Будет ли он в эти дни в Москве, не знаю, но пусть, где бы ни находился, услышит, почувствует — «мы ждем вас, Евгений Федорович!»

Л. ДОЛГАЧЕВА.

